

В тишине кабинета отчетливо слышалось неровное, сбивчивое дыхание Шэнь Яо. Прижимаясь поясницей к краю стола, он пытался унять бешено колотящееся сердце.

Плечи его напряглись. Шэнь Яо сам, добровольно согласился на метку, но сейчас его душило необъяснимое, тяжелое чувство — словно чужие пальцы безжалостно сжали тонкое горло, не позволяя вздохнуть.

Янь Чжисин отступил на несколько шагов, давая ему возможность прийти в себя и соблюдая приличествующую дистанцию.

Метка подействовала на обоих. На безупречном облике Янь Чжисина тоже остались едва заметные следы: чуть помятый край пиджака и странный, живой блеск в обычно ледяных синих глазах.

А еще — три длинные свежие царапины на тыльной стороне ладони. У такого подчеркнуто чопорного, сурового человека эта деталь выглядела на удивление неуместно и вызывающе.

Шэнь Яо умел прятать когти. Он легко мог прикинуться покладистой, послушной куклой — подойти по первому зову, безропотно подставиться под укус... Но это вовсе не значило, что он позволит безнаказанно причинять себе боль.

Шею в области железы до сих пор жгло, но Шэнь Яо так и не уловил ни единой ноты чужих феромонов. Сомнений не было: Янь Чжисин сдерживал их намеренно.

Шэнь Яо не стал заострять на этом внимание. Он лишь поднял свое изящное, точеное лицо и с невинным видом спросил:

— Разве ставить метку так больно? Другие омеги рассказывали, что это приносит сплошное удовольствие.

Не прояви Янь Чжисин только что на своей шкуре всю его строптивость, эта искренняя, непосредственная манера вполне могла бы ввести в заблуждение даже его самого.

Мужчина пристально взгляделся в его лицо. Обычные люди, пытаясь солгать, выдают себя хоть тенью замешательства, но взгляд Шэнь Яо оставался абсолютно чистым, ясным и бездонным.

Шэнь Яо чуть опустил голову и тихо добавил:

— Но мне было очень больно.

Не зная Янь Чжисин наверняка, что у юноши тот же синдром зависимости, не позволяющий ему принимать метки других альф, он бы непременно заподозрил, что у Шэнь Яо уже есть подобный опыт.

Янь Чжисин опустил взор. В голове скользнула мимолетная мысль: а до их встречи омегу действительно никто никогда не метил?

Впрочем, судя по отчетам ищейки, прошлое Шэнь Яо оставалось девственно чистым. Вокруг него вилось предостаточно влюбленных альф, готовых на всё ради одного его взгляда, но он никого не подпускал близко.

На тыльной стороне ладони засадило. Боль была пустяковой, но Янь Чжисин все же опустил взгляд.

Коготочки у этого омеги оказались на редкость острыми.

— Прости, я не нарочно, — Шэнь Яо виновато улыбнулся. — Просто ты укусил слишком сильно. В такой момент трудно себя контролировать, вот я случайно и зацепил тебя.

Он понизил голос до шепота:

— Меня альфа метит впервые. А ты? Тоже делаешь это в первый раз, или со всеми омегами так груб?

Личная жизнь Янь Чжисина всегда была покрыта завесой тайны; никто никогда не слышал, чтобы рядом с ним крутился хоть один омега. При его колоссальном влиянии и богатстве найти себе пару не составило бы труда, но если кто-то и был, то навыки мечения у господина Яня оказались на удивление топорными.

Выслушав эту пространную тираду, Янь Чжисин проигнорировал колкость и ровным тоном спросил:

— Тебе ведь не нравится тот альфа, Дай Синхуэй?

Шэнь Яо слегка растерялся:

— К чему ты клонишь?

— Если пожелаешь, он больше никогда не попадется тебе на глаза, — бесстрастно ответил Янь Чжисин.

Шэнь Яо на мгновение задумался. В его глазах Дай Синхуэй оставался ничтожеством, недостойным даже мимолетного раздражения.

И все же назойливое внимание этого типа изрядно утомляло.

— У меня на примете есть еще парочка невыносимых альф, — не упустил случая омега. — Их

тоже сотрешь с горизонта?

Янь Чжисин уже вернулся за письменный стол. Дел у него, судя по внушительной стопке документов, было невпроворот.

— Договорились, — согласился Янь Чжисин. Он взял дорогую перьевую ручку, украшенную крупным сапфиром. Лицо его, на мгновение дрогнувшее во время близости, вновь приняло выражение абсолютного, безразличного спокойствия. — Слуга проводит тебя в гостевую спальню. У меня сейчас начнется видеоконференция.

За дверью действительно дожидался слуга — молодой парень, очень похожий на прежнего коридорного. Шэнь Яо подметил странную закономерность в предпочтениях хозяина усадьбы: все служащие были бетами с неброской, но приятной глазу внешностью. И главное — каждый умел виртуозно хранить молчание.

Свободных комнат в поместье было предостаточно. Слуга вежливо пригласил гостя в лифт и нажал кнопку вызова — ехать предстояло всего два этажа.

Проводник распахнул массивную дверь. Спальня, оформленная в изысканном классическом европейском стиле, сияла чистотой и безупречным убранством. Придаться было абсолютно не к чему.

— Если вам что-то понадобится, воспользуйтесь кнопкой вызова на тумбочке, — почтительно произнес бета.

— Благодарю, — кивнул Шэнь Яо.

На глаза ему попался книжный шкаф. Вытянув с полки первый попавшийся поэтический сборник, юноша улегся на мягкую постель и раскрыл книгу прямо над лицом, вдыхая едва уловимый аромат свежей типографской краски.

Шэнь Яо коснулся пальцами ноющей шеи. Запаха чужого альфы по-прежнему не ощущалось, хотя след укуса красноречиво свидетельствовал: теперь он отмечен.

Шэнь Яо равнодушно уставился в потолок.

"Что ж, сделка абсолютно честная. Я позволяю ему ставить метки, он взамен дает мне всё, чего я пожелаю"

Когда видеоконференция завершилась, на лице Янь Чжисина не отразилось ни тени усталости. Он походил на безупречно отлаженный механизм, не знающий сбоев.

В дверь кабинета негромко постучали. Бросив быстрый взгляд на настенные часы, хозяин дома негромко произнес:

— Войдите.

На пороге появился молодой мужчина в строгой рубашке. В руках он держал увесистую стопку папок, а в правой руке — металлический кейс с медицинским оборудованием.

Это был Цзянь Жуй, личный исследователь Янь Чжисина, работавший на него уже четыре года.

Будучи обычным бетой без связей и громкого имени, в научно-исследовательском институте он постоянно терпел нападки и притеснения коллег. Дело дошло до того, что результаты его многолетнего и кропотливого труда, посвященного исследованию синдрома зависимости от феромонов, нагло присвоили другие ученые.

Когда с ним неожиданно связался помощник господина Яня, Цзянь Жуй долго не мог поверить своему счастью.

Поставив чемоданчик на стол, исследователь извлек анализатор феромонов и стерильный шприц. Янь Чжисин отложил бумаги и молча протянул руку для забора крови.

Пока прибор обрабатывал данные, Цзянь Жуй от волнения затаил дыхание. Впрочем, всё подтвердилось в точности с его расчетами: после того как альфа пометил омегу, показатели его феромонов пришли в абсолютную норму.

Те самые значения, ради стабилизации которых раньше требовались лошадиные дозы подавляющих препаратов, теперь выровнялись благодаря всего одному укусу.

Янь Чжисин мельком глянул на светящийся экран. Сухие цифры наглядно доказывали неопровержимый факт: Шэнь Яо стал его единственным спасительным лекарством. По крайней мере, на ближайшее время он попал в полнейшую зависимость от этого мальчишки.

— Я заметил странную вещь, — медленно заговорил Янь Чжисин. — В момент, когда я ставил метку, мне было чертовски трудно держать себя в руках.

— В этом нет ничего удивительного, — развел руками Цзянь Жуй. — Феромоны этого омеги обладают для вас непреодолимым, разрушительным притяжением. Ни один альфа в мире, какой бы железной волей он ни обладал, не совладал бы со своими инстинктами. Это как коленный рефлекс — чистая физиология, разуму неподконтрольная.

— Вы и так проявили невероятное хладнокровие. Когда у него началась течка прямо перед вами, вы ухитрились вколоть ему блокатор и отпустить восояси. Другой на вашем месте давно бы сорвался.

Лицо Янь Чжисина оставалось маской изо льда. Но внутри он прекрасно понимал: не заставь он себя покинуть ту комнату отдыха в ту же секунду, Шэнь Яо просто не выбрался бы оттуда живым.

— Ты уверен, что этот синдром всегда носит взаимный характер? — спросил он.

Шэнь Яо держался слишком беззаботно, будто его эта проблема вообще никак не касалась. Хотя нельзя было исключать, что парень просто виртуозно притворяется.

— Подобных медицинских случаев крайне мало, — пустился в объяснения исследователь, — но все зафиксированные в архивах истории подтверждают: связь всегда двусторонняя. Однако... степень выраженности симптомов у партнеров может сильно различаться.

Понимая, что его слова вряд ли придутся по душе высокомерному собеседнику, Цзянь Жуй постарался выражаться как можно деликатнее:

— К примеру, у вас наблюдается редкая, крайне тяжелая форма. Когда уровень ваших собственных гормонов падает, разум начинает подменять реальность, вызывая обонятельные галлюцинации... заставляя вас совершать некоторые... хм, не совсем осознанные действия.

В периоды восприимчивости Янь Чжисина Цзянь Жую доводилось видеть, как этот надменный, непоколебимый человек превращается в дикого зверя.

Янь Чжисин до судорог сжимал в кулаке изодранный лоскут ткани — обрывок рубашки, сорванной с Шэнь Яо во время их первой бурной встречи. Крошечный кусочек чужой одежды, сохранивший едва уловимый след сладких феромонов, сделался для него единственным спасением.

Тот безумный образ навсегда врезался в память беты: мокрые от пота золотистые волосы Янь Чжисина, лихорадочный, почти жалкий взгляд, и то, как он исступленно прижимал ткань к лицу, пытаясь выжать из нее хотя бы крупцу дурманящего аромата абрикосового цвета.

Заслышав шаги вошедшего исследователя, альфа вскинул голову. Его помутившийся взгляд резал по нервам не хуже бритвы, а сиплый, сорванный голос сочился первобытной яростью.

— Где мой омега?..

— Куда ты его спрятал?!

Находясь в периоде восприимчивости, Янь Чжисин перестал отличать друзей от врагов. Любое существо, посмевшее нарушить границы его логова и не оказавшееся вожаком омегой, воспринималось им как смертельная угроза.

Он кинулся на Цзянь Жую, словно хищник на добычу, мертвой хваткой вцепившись бете в

горло. На его окаменевшем лице не дрогнул ни один мускул, но в пустых глазах плескалось чистейшее безумие.

Бета захрипел, чувствуя, как кислород перестал поступать в легкие, а перед глазами поплыли черные круги.

В ушах пронзительно зазвенело. Он уже мысленно прощался с жизнью, когда хватка внезапно ослабла, и спасительный глоток прохладного воздуха наконец ворвался в грудь.

Решив, что хозяин дома пришел в себя, Цзянь Жуй с трудом разомкнул веки. Увы, пальцы альфы по-прежнему сжимали его шею, а безжизненный голос всё так же упрямо требовал:

— Где... мой... омега?

Но как он мог ответить на то, чего сам не знал?

Глаза беты в ужасе округлились, когда пальцы на горле сомкнулись с новой, неумолимой силой.

Янь Чжисин методично продолжал допрос, перекрывая несчастному воздух при малейшей попытке вздохнуть. Если бы дежурившие за дверью телохранители вовремя не заподозрили неладное, Цзянь Жуй гарантированно распрощался бы с жизнью прямо на этом дорогом ковре.

Потребовались усилия пяти дюжих альф, чтобы оттащить обезумевшего господина от полуживого беты. Но даже тогда Янь Чжисин не выпустил из побелевших пальцев заветную тряпицу.

Цзянь Жуй шумно сглотнул скопившуюся слюну и, бросив испуганный взгляд на шефа, торопливо продолжил:

— Если у этого омеги более легкая стадия заболевания, то его тяга может спадать в обычное время. Скорее всего, он испытывает дискомфорт и непреодолимое желание только тогда, когда в воздухе явно чувствуется ваш аромат.

Янь Чжисин медленно опустил ручку на стол. Было очевидно, что он тоже погрузился в те неприятные воспоминания.

— Какая вопиющая несправедливость, — обронил он ледяным тоном.

А раз так, то в его силах было исправить это недоразумение — сделав ситуацию еще менее равной.

Янь Чжисин всегда предпочитал действовать наверняка, хладнокровно устраняя любые уязвимости. Шэнь Яо, со своим врожденным недоверием ко всему миру, наверняка станет

искать скрытые мотивы их внезапного притяжения.

Вот только все его мелкие интриги и подозрения не стоили и ломаного гроша против планов господина Яня.

— Как только в лаборатории завершат последние приготовления, я заберу его в усадьбу Янь для экстракции феромонов.

Янь Чжисин с самого начала не собирался всю жизнь зависеть от капризов живого человека и бесконечно ставить ему метки. Оставлять в чужих руках такое мощное оружие против самого себя казалось верхом глупости.

Он намеревался полностью извлечь нужные ферменты из желез Шэнь Яо, превратив «живое лекарство» в удобную, контролируемую химическую формулу.

Обычно пары альф и омег с подобным недугом просто связывали себя узами брака — благо идеальная биологическая совместимость избавляла их от любых лишних хлопот. Но Янь Чжисин шел иным путем.

Проект синтеза искусственного аналога на основе чужих феромонов существовал пока лишь на бумаге, но Цзянь Жуй давал девяносто девять процентов, что эксперимент увенчается успехом. Набравшись смелости, он осторожно поинтересовался:

— А... что потом будет с омегой?

Если господин Янь получит стабильный химический состав, то несчастный Шэнь Яо, лишившись поддержки своего единственного совместимого партнера, окажется обречен. Сможет ли он когда-нибудь принять метку от кого-то другого? Или увянет в одиночестве?

Ответа не последовало. Янь Чжисин лишь окинул его долгим, ничего не выражающим взглядом, от которого у исследователя по позвоночнику пробежал ледяной пот. Все отпрыски клана Янь славились абсолютным бездушием — с чего бы вдруг этому человеку беспокоиться о судьбе какого-то мальчишки?

Жизненное кредо Янь Чжисина всегда отличалось предельной простотой. Если человеку нужны деньги — он платил. Нужна власть — делился влиянием. Точно так же он когда-то вытащил из безвестности самого Цзянь Жую, предоставив ему неограниченные ресурсы для этой секретной работы.

Шэнь Яо получит всё, что затребует его ненасытное эго. Ну а то, какая судьба постигнет его после завершения эксперимента, господина Яня совершенно не волновало.

Проснувшись на следующее утро в огромном особняке, Шэнь Яо так и не встретил его хозяина. Не став тратить время на расспросы, он просто вызвал водителя и велел отвезти его в усадьбу семьи Шэнь.

Через несколько дней исполнялась очередная годовщина со дня смерти его деда, старейшины Шэнь Чэня. Всю дорогу Шэнь Яо безучастно смотрел в окно автомобиля. Когда вдали наконец показался смутный силуэт Старой усадьбы семьи Шэнь, показалось, будто над её черепичной крышей сгустились вечные грозовые тучи.

Старая усадьба находилась неподалеку от загородного поместья Янь Чжисина — исключительно по этой причине юноша и решил заглянуть сюда по пути.

В гостиной к его приезду царил безлюдье. Немногочисленные слуги, заведя редко навещавшего их старшего молодого господина, лишь изумленно переглядывались.

Игнорируя шушуканье прислуги, Шэнь Яо проследовал напрямик в поминальную залу. С портрета на него глядел шестидесятилетний Шэнь Чэнь — еще крепкий, не тронутый тяжелой болезнью мужчина с ледяным, пронизывающим насквозь взглядом.

Омега постоял перед изображением в глубоком молчании и покинул комнату.

Спустившись на первый этаж, Шэнь Яо обнаружил в гостиной своего сводного брата. Судя по всему, Шэнь Шэньмянь устроился на диване специально, чтобы подкараулить его.

Так оно и оказалось. Едва уловив исходящие от Шэнь Яо отголоски свежей альфа-метки, Шэнь Шэньмянь мгновенно переменялся в лице.

Решив, что негодяй притащился в усадьбу исключительно ради того, чтобы похвастаться своей победой, он с нескрываемой злобой процедил:

— Надо же, сошелся с самим Янь Чжисином! Доволен небось по уши?

Общаться с братом не было ни малейшего желания. Шэнь Яо бросил равнодушное:

— Жаловаться не приходится.

Юноша направился к выходу.

— Шэнь Яо! — окликнул его Шэнь Шэньмянь, порывисто поднимаясь с места. — А ты в курсе, что Гуань Шу вернулся?

Зрачки Шэнь Яо на долю секунды сузились. Это мимолетное движение не укрылось от торжествующего взгляда Шэнь Шэньмяня. Наконец-то ему удалось нащупать уязвимое место!

Издавательски оскалившись, он заговорил с явным злорадством:

— Гуань Шу ненавидит тебя всеми фибрами души. Как думаешь, какую изощренную месть он для тебя приготовил?

После короткого затишья лицо Шэнь Яо вновь приняло маску безмятежности. Он не спеша дошел до тяжелых дверей и уже на пороге обернулся.

Яркий дневной свет пробивался сквозь приоткрытую створку, оставляя фигуру омеги в глубокой тени. Шэнь Шэньмянь не мог разглядеть выражения его глаз, но отчетливо слышал тихий, невесомый смешок.

— Пусть мстит, — бросил Шэнь Яо. — Да, он люто меня ненавидит. Но ради любви ко мне он по-прежнему готов на всё.

<http://bllate.org/book/18245/1748446>